

УДК 323.396

DOI 10.52575/2687-0967-2023-50-3-831-842

Оригинальное исследование

Предпринимательство элит и использование рент: интерпретация политической истории Кабардино-Балкарии (1989–2018 гг.)

Тумов А.А.

Кабардино-Балкарский научный центр РАН,
Россия, 360002, г. Нальчик, ул. Балкарова, 2

tumovasker@gmail.com

Аннотация. Относительная стабильность российской политической системы распространяется на ее региональные аналоги. Однако в долгосрочной перспективе стремления правящих элит воплотить в жизнь проект национального суверенитета сведутся к нулю без соответствующей стратегии социально-экономического развития, предпосылки которой определяются наличием политической воли у субъекта модернизации. В статье проанализирована историческая эволюция политической системы Кабардино-Балкарии с точки зрения моделей поведения правящего класса при распределении политических и экономических привилегий. Постсоветская история республики интерпретирована с использованием теории социальных порядков. В рамках конкретного социального порядка Кабардино-Балкарии функционируют три ключевые группы, составляющие правящую коалицию – высшая бюрократия, крупный бизнес с политическим капиталом (олигархия) и руководители органов правопорядка (силовики). На протяжении постсоветского периода политический класс республики не смог воплотить в жизнь попытки расширения доступа к источникам ренты и таким образом увеличить степень инклюзивности системы управления для большего количества политических акторов и экономических агентов. В подобных условиях траектория развития и перспективы существования социального порядка остаются открытыми для различных интерпретаций.

Ключевые слова: порядок ограниченного доступа, постсоветский период, политические элиты, современная история, Россия, Северный Кавказ, Кабардино-Балкария

Для цитирования: Тумов А.А. 2023. Предпринимательство элит и использование рент: интерпретация политической истории Кабардино-Балкарии (1989–2018 гг.). *Via in tempore. История. Политология.* 50 (3): 831–842. DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-831-842

Entrepreneurship of Elites and Exploitation of Rents: Interpreting Political History of Kabardino-Balkaria (1989–2018)

Asker A. Tumov

Kabardin-Balkar Research Centre of RAS,
2 Balkarova St., Nalchik 360002, Russia

tumovasker@gmail.com

Abstract. A relatively stable political system in Russia extends its perseverance to subnational units. But in the long term, aspirations of ruling elites to implement the national sovereignty project are bound to be naught without a pertinent strategy for social and economic development, which requires a resourceful enforcer with political willingness. In this research, we investigate historical evolution

of political system in Kabardino-Balkaria at the level of the ruling elite that participate in distribution of political and economic privileges. We interpreted the post-Soviet history of the republic through the lens of social orders theory. Within the de quo social order, we laid emphasis on three key groups in the ruling coalition – top bureaucrats, politically connected large business (oligarchs), and heads of security forces (siloviki). Over the post-Soviet period, the ruling coalition failed to establish broader access to sources of rent and constitute a more inclusive political system for various political actors and economic agents. Against this backdrop, the path of development and outlooks for the existing limited access order remain open to interpretations.

Keywords: limited access order, post-Soviet period, political elites, contemporary history, Russia, North Caucasus, Kabardino-Balkaria

For citation: Tumov A.A. 2023. Entrepreneurship of Elites and Exploitation of Rents: Interpreting Political History of Kabardino-Balkaria (1989–2018). *Via in tempore. History and political science.* 50 (3): 831–842 (in Russian). DOI: 10.52575/2687-0967-2023-50-3-831-842

Введение

Стремительная социетальная трансформация российского общества на рубеже XX–XXI вв. стала объектом пристального внимания со стороны академического сообщества. На протяжении последних десятилетий исследователи пытаются осмыслить проблемы государственно-политического развития регионов России, соотношение целей реформирования с реальными практическими результатами, специфические факторы трансформации системы управления. При этом объект исследования – политическая система – трансформируется на глазах у исследователей параллельно со вводом в научный оборот новых источников. В результате многие вопросы, находящиеся в домене политической науки и ее субдисциплин, не получили должного ответа.

В подобном положении оказалась сфера изучения региональных элит, их констелляций и трансформации состава, а также роли в определении траектории политико-экономического развития общества. Так, в 1990-х гг. политическая динамика российских элит интерпретировалась в рамках транзитологии – теории переходов от авторитарных к демократическим режимам [Растоу, 1996; Харитоновна, 1996; Гельман и др., 2000]. В 2000-х гг. осознание «незавершенности» российского демократического транзита сформировало критический взгляд на возможности использования транзитологии применительно к российскому опыту [Мельвиль, 1998, Лукин, 2000; Капустин, 2001; Hughes, 1997]. В поле зрения исследователей оставались проблемы разнообразия региональных политических режимов [Солник, 1995; Росс, 1999; Вартумян, 2004]. Рецентрализация и унификация региональных систем управления деактуализировали и это направление [Гельман, 2006; Kahn et al, 2009; Golosov, Konstantinova, 2014]. Но в практике историко-политологических исследований в регионах Северного Кавказа проблема функционирования и трансформации правящего класса не получает должного внимания. Напрямую затрагивалась она в последние годы только в историко-политологических работах, посвященных общему анализу процессов политического развития Северного Кавказа и в обзорных экспертных докладах [Литвинова, 2011; Современная эволюция..., 2011; Стародубровская, Казенин, 2016].

Обобщения в масштабе макрорегиона требуют, помимо наблюдений за текущим состоянием региональных политических режимов и практик, серьезного предварительного анализа исторического опыта конкретных региональных «случаев» режимной трансформации. При этом в изучении политических процессов на Северном Кавказе и, в частности, Кабардино-Балкарии доминируют этнополитологические работы, фокус которых был ограничен противоборством т. н. «этнических элит». Исследования констелляции правящего класса в республике либо были посвящены отдельным аспектам,

либо носили по преимуществу описательный характер [Апажева, 2000; Гугова, 2002]. Вопрос о существенной взаимосвязи трансформации правящего класса и институциональных изменений в них не ставился, и влияние этой взаимосвязи на природу сложившейся в республике системы управления оставалось в тени.

Чтобы получить концептуально-насыщенное целостное представление регионального опыта роли правящего класса в институциональной трансформации, необходимо придерживаться междисциплинарной методологии. Во-первых, в основе исследования должен лежать принцип историзма – реконструкция хода политических событий должна происходить в контексте основных этапов развития общероссийского трансформационного процесса. Во-вторых, здесь правомерно использовать институциональный подход, позволяющий в зависимости от социально-экономического контекста выявить ограничивающие произвол элит правила и характер распределения политических и экономических привилегий. В-третьих, к этой конструкции необходимо приложить анализ продуктивности использования привилегий. Цель исследования заключается в том, чтобы осуществить первичную проверку приложимости обозначенных методологических подходов к опыту постсоветского политического развития Кабардино-Балкарской Республики. Предполагается, что таким образом можно получить более корректную оценку траектории политико-экономической трансформации общества.

Теоретическая основа

В исследовании 2009 г. представлен оригинальный подход к анализу общественного развития на основе изучения роли насилия и рент [North et al, 2009]. Авторы исходят из очевидного постулата о том, что каждый индивид вынужден делать выбор: усердно работать ради «куска хлеба» или использовать силу для присвоения чужого «куска». В отсутствие ограничений на использование насилия вторая опция становится предпочтительной, что имеет фундаментальное значение для общественного развития в долгосрочной перспективе. Зарождение государства стало попыткой обуздать насилие и предотвратить его деструктивные последствия. Разумеется, ограничения на использование силы имеют свои издержки. Для поддержания стабильных правил игры группы с насильственным потенциалом должны получать компенсацию за «воздержание» от использования насилия – ренту, т. е. эксклюзивный доступ к экономическим и политическим привилегиям. Первые обеспечивают получение дохода, а вторые помогают определять «правила игры» для всех остальных. Подобная социальная организация определяется как «порядок ограниченного доступа» (далее – ПОД) и характеризует большинство существующих обществ.

Авторы выделяют группу из 20–25 «порядков открытого доступа» – их граждане обладают большими возможностями участия в экономических видах деятельности и политической жизни, и они более эффективно реагируют на экономические и политические потрясения. Переход к открытому доступу стал возможен благодаря совпадению «пороговых условий», характеризующих межэлитные взаимоотношения:

- транзит от личных привилегий к безличным правам;
- возникновение долгосрочных форм организаций;
- установление консолидированного контроля государства над организациями с насильственным потенциалом.

Переход к открытому доступу невозможно осуществить простым переносом рыночных и демократических институтов из развитых стран в развивающиеся. Подобный перенос стимулирует экономический рост, поскольку разрушает барьеры, ограничивающие доступ к рентам и привилегиям и демотивирующие развитие фирм. С другой

стороны, ликвидация барьеров подрывает систему распределения рент между элитами с насильственным потенциалом. Поэтому многие развивающиеся страны в период экономической либерализации и демократизации 1980–90-х гг. столкнулись со всплесками насилия [North et al, p. 328].

Ренты в подобной теоретической рамке должны рассматриваться как необходимый элемент функционирования и динамики ПОД. Увеличение или уменьшение доли рент в распоряжении элит сопровождается переходом от хрупкого к базовому порядку, от базового к зрелому и наоборот. Последний пункт особенно важен, так как авторы подчеркивают всегда существующую возможность регресса в виде подрыва институтов безличных прав и всплесков насилия. Подобное происходит, когда рентные потоки истощаются либо растущее давление на элиты не позволяет им достичь новых договоренностей о распределении рент и включении новых групп в состав правящей коалиции.

Для анализа предпочтений элитных групп в использовании рент используется теория типов предпринимательства (имеется в виду любая инициативная деятельность в бизнесе и публичном управлении) [Baumol, 1990]. Правящие элиты могут следовать одной из трех моделей предпринимательства:

- продуктивное: затраты на входение на новые рынки, создание новой продукции, технологизация, инвестиции в общественные блага;
- непродуктивное: роскошное потребление, расширение бюрократического аппарата без увеличения эффективности работы, имиджевые амбициозные проекты;
- деструктивное: открытая борьба с другими группами за контроль над источниками рент.

Мы исходим из предположения, что предпочтения элитных групп относительно способов использования ренты могут измениться в соответствии с приоритетами, объемами рент и внутренними и внешними вызовами.

Эволюция социального порядка в Кабардино-Балкарии в 1992–2018 гг.

Опыт политического развития Кабардино-Балкарии представляет собой специфический региональный срез общенационального политического опыта постсоветской России. Старт радикальной политико-экономической трансформации и переход на принципы экономического и политического либерализма, демократии и федерализма характеризовались ростом количества новых угроз и возможностей. Основным вопросом, вставший перед кабардино-балкарским обществом, заключался в стабилизации политической системы, сохранении целостности в качестве единого субъекта в составе России.

Точкой отсчета в транзите к новой политической системе можно считать 1989 г. Политическая реформа в союзном центре позволила сформироваться региональной оппозиции; в силу высокого мобилизационного потенциала национализма на Северном Кавказе она приобрела ярко выраженный этнический характер^{157,158,159}. В условиях экономического кризиса правящая коалиция потеряла многие источники ренты, а с ними – монопольный доступ к власти в широком смысле этого слова. Начавшаяся политическая борьба вынуждала стороны обращаться к любым возможностям сохранения своих позиций: для оппозиции таким инструментом стали съезды народов, для правящего класса – участие в «параде суверенитетов» и введение института президентства [Kahn, 2000]. Итоги политического процесса показали крепкие позиции ядра партийно-советской

¹⁵⁷ ЦГА КБР. Ф. Р-717. Оп. 4. Д. 144. С. 44–46.

¹⁵⁸ Устав-Программа общественной организации «Адыгэ Хасэ» // Кабардино-Балкарская правда. 3 июля 1990. № 124. С. 3.

¹⁵⁹ Устав и Программа Тёре // Кабардино-Балкарская правда. 24 июля 1990 г. № 139. С. 3.

номенклатуры, которое удержалось у власти за счет тактических приобретений. Этническая оппозиция не смогла закрепить за собой ключевых позиций, а ее умеренные лидеры были инкорпорированы в состав правящей коалиции, что способствовало расколу и ослаблению протеста¹⁶⁰. Помимо прочего, гражданские конфликты на Северном Кавказе заставили федеральные власти склониться к союзу с властями КБР в обмен на обеспечение стабильности¹⁶¹. В итоге республика оказалась в авангарде «лоялистов» по отношению к Москве; сложившаяся система управления формально регулировалась демократическими институтами, хотя реальные практики управления характеризовались доминированием номенклатуры и существованием модифицированной иерархически-аппаратной системы управления [Боров, Тумов, 2017].

Относительная стабилизация политической системы в России во второй половине 1990-х гг. нашла свое отражение в консолидации режима в КБР. Оппозиция была разгромлена, парламент подконтролен правительству, а силовые органы обладали достаточной силой для защиты интересов элит. Внешне сплоченность внутри правящего класса Кабардино-Балкарии проявилась, во-первых, в виде безальтернативных президентских выборов 1997 г.¹⁶², во-вторых – в результатах парламентских выборов, утвердивших бюрократию и крупный бизнес как основных бенефициаров режима¹⁶³, а в-третьих – в принятии конституции, формально утвердившей *status quo*¹⁶⁴. Правящая коалиция закрепила за собой доступ к основным ресурсам и привилегиям и даже могла вести диалог с федеральным центром посредством «торга». При этом сложившаяся система управления естественным образом создавала дисбаланс в доступе различных групп населения к рентам, что способствовало поляризации общества, увеличению количества криминальных группировок и росту популярности взывающего к справедливости исламского фундаментализма.

Начало 2000-х гг. закрепилось в науке как период «рецентрализации». Администрация В.В. Путина предприняла ряд усилий по стабилизации политической системы, построив «вертикаль власти», ограничив полномочия губернаторов, приведя к унификации конституции и уставы субъектов и переподчинив силовые органы федеральному центру. Ослабленные кризисом 1998 г. регионы не оказали сопротивления, а население поддержало политику Москвы. Коррекция политико-правовых итогов 1990-х гг. в КБР не оказала большого влияния на расклад сил, за исключением смены президента в 2005 г. по естественным причинам. При этом Кабардино-Балкария прошла через очередной этап активизации протестного движения. Его основу составили, с одной стороны, балкарское этническое движение, которое эксплуатировало риторику земельного вопроса, с другой – исламистское движение, которое оказалось в состоянии конфронтации с региональными властями из-за роста озабоченности религиозным терроризмом^{165,166}.

¹⁶⁰ Полевой материал автора, записи 2017 г. Хатажуков В., бывший тхатамада «Адыгэ Хасэ», руководитель Правозащитного центра КБР. Интервью в Нальчике.

¹⁶¹ Виктор Черномырдин на Северном Кавказе // Коммерсантъ. № 87. 12 мая 1993 г.

¹⁶² Выборы глав исполнительной власти субъектов Российской Федерации. 1995–1997. Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 1997. С. 66–67.

¹⁶³ Выборы в законодательные (представительные) органы государственной власти субъектов Российской Федерации. 1995–1997. Электоральная статистика. М.: Весь Мир, 1998. С. 85–95.

¹⁶⁴ Конституция КБР. Принята Парламентом КБР в первом чтении 1 июля 1997 г. // Кабардино-Балкарская правда. 9 июля 1997. № 130. С. 1.

¹⁶⁵ Постановление Избирательной комиссии КБР «О заявлении зарегистрированного кандидата на должность Президента КБР Кучукова И.А.» // Кабардино-Балкарская правда. 11 января 2002 г. № 5. С. 1.

Оба движения обладали достаточной мобилизационной базой в лице сельских жителей. Конфронтация между органами власти и религиозными общинами вылилась в нападение на Нальчик 13 октября 2005 г., символизировавшее окончательный переход исламистской оппозиции к насильственной борьбе.

В период 2007–2018 гг. сформировавшаяся ранее политическая организация претерпела трансформацию внутренних характеристик, при этом формальный дизайн системы управления остался практически нетронутым. Главным отличием стал более жесткий контроль над регионом со стороны федерального центра, который в одностороннем порядке принимал решение о назначении главы и проводил перманентный мониторинг эффективности использования федеральных субвенций и обеспечения социально-политической стабильности. Ввиду этого правящая коалиция больше зависела от одобрения со стороны центра, нежели черпала легитимность в поддержке населения. Этот феномен ярко проявился в том обстоятельстве, что когда в 2012 г. регион получил возможность вернуться к выборности главы, республиканские элиты сделали выбор в сторону сохранения института назначения¹⁶⁷. Другой качественной характеристикой стал рост автономии силовиков по отношению к местному политическому классу, что позволяло им сосредоточить в своих руках беспрецедентные ресурсы в вооруженной борьбе против исламистского подполья [Современная эволюция..., 2011, с. 6]. Политический процесс характеризовался короткими всплесками активности этнических проектов, а также конфликтом с исламистской оппозицией. Последняя в виде своего радикального крыла была «обезглавлена» в ходе контртеррористических операций и активной деятельности спецслужб, а ее умеренные представители превратились в субкультуру со специфическими бизнес-интересами. При этом внутриэлитная борьба в республике не прекращалась, ее основным итогом стало вмешательство федерального центра в 2013 г., когда вместо А.Б. Канокова главой был назначен Ю.А. Коков. Как и его предшественник, новый глава неудовлетворительно справлялся с задачами политической стабилизации и экономической модернизации и был отправлен в отставку в 2018 г.

Состав правящей коалиции и ключевые источники ренты

Исследователи элитных констелляций в России традиционно фокусируются на двух группах: во-первых, к ним относятся представители крупного бизнеса с развитым политическим капиталом, т. н. олигархи [Guriev, Rachinsky, 2005]; во-вторых, руководители органов правопорядка и спецслужб, т. н. силовики [Kryshtanovskaya, White, 2003]. Представляется релевантным выделение еще одной социально-профессиональной страты, наследующей позднесоветской номенклатуре – высшей бюрократии. В таблице 1 представлены позиции трех групп в правящей коалиции и их трансформация на протяжении постсоветского периода. Эта таблица не включает представителей федеральных элит, которые очевидным образом играют важную роль в процессе принятия решений в регионах; в данном случае мы преследуем цель изучить констелляцию региональных акторов, которые зачастую выступают в роли клиентов по отношению к патронам из «центра».

¹⁶⁶ Гусейнов О. 10 подростков из КБР уехали к боевикам в Чечню // Газета Юга. 2 ноября 2000 г. № 45. С. 4.

¹⁶⁷ Закон Кабардино-Балкарской Республики от 23 апреля 2014 года № 19-РЗ «О порядке избрания Главы Кабардино-Балкарской Республики депутатами Парламента Кабардино-Балкарской Республики». [Электронный ресурс] URL: <https://docs.cntd.ru/document/412302881> (дата обращения: 01.05.2023).

Таблица 1
Table 1

 Элитные группы в составе правящей коалиции
Elite groups in the ruling coalition

Основные группы	1992–1999	2000–2005	2005–2013	2013–2018
Номенклатура / бюрократия	Ключевой партнер	Ключевой партнер	Ключевой партнер	Ключевой партнер
Олигархия	Младший партнер	Основной партнер	Ключевой партнер	Младший партнер
Силовики	Младший партнер	Младший партнер	Основной партнер	Основной партнер
Основные источники ренты	Дотации, приватизированные предприятия	Дотации, агропромышленный комплекс	Дотации, агропромышленный комплекс, туризм	Дотации, агропромышленный комплекс, туризм
Стимулы для продуктивного использования рент	Слабые, (макроэкономическая и политическая нестабильность)	Слабые (политическая нестабильность, но рост предсказуемости экономического развития)	Средние (экономический рост и инвестиции из федерального бюджета)	Средние (инвестиции из федерального бюджета, ограниченность технологического развития)
Политическое влияние федеральных элит	Низкое	Среднее	Высокое	Высокое
Политическое влияние других групп (СМИ, общественные организации, малый и средний бизнес)	Среднее	Низкое	Среднее	Низкое

Если приложить типологию использования рент, представленную в разделе II, к основным группам правящей коалиции КБР, указанным в таблице 1, мы получим картину, продемонстрированную в таблице 2. Важно подчеркнуть основное различие между бизнес-элитами, бюрократией и силовиками. У первых двух групп продуктивное использование рент предполагает создание благ, продуктов, технологий, инфраструктуры и человеческого капитала. Третья группа способна защищать созданные другими блага (либо снижать риски их разрушения), но не может создавать ценность сама.

Формирование ключевых групп в кабардино-балкарской политике в 1990-е гг. представляет собой одновременную трансформации партийной и хозяйственной номенклатуры в бюрократию и олигархию. Анализ составов Парламента показывает, что в I созыве 1993 г. 44 % депутатов работали в республиканских органах власти, 33 % возглавляли государственные и муниципальные предприятия¹⁶⁸. Во II созыве 54 % депутатов работали в органах власти, еще 29 % были руководителями предприятий либо бизнесменами¹⁶⁹. Эта коалиция контролировала два основных источника ренты: унаследованные от советской административной системы приватизированные предприятия и субвенции из федерального бюджета на решение социальных вопросов и поддержку инфраструктуры.

¹⁶⁸ Депутаты Парламента Кабардино-Балкарской Республики. Первый созыв. Нальчик: Эль-Фа, 1995. 171 с.

¹⁶⁹ Депутаты Парламента Кабардино-Балкарской Республики. Второй созыв. Нальчик: Эль-Фа, 1998. 177 с.

Таблица 2
 Table 2

Модели предпринимательства
 Entrepreneurship patterns

Использование рент	Олигархия	Номенклатура / бюрократия	Силовики
Продуктивное	Инвестиции в создание новых предприятий, продуктов, технологий	Создание общественных благ (образование, здравоохранение, инфраструктура, регулирование бизнеса)	Риск-менеджмент, обеспечение безопасности, защита бизнеса
Непродуктивное	Борьба за доступ к ресурсам, потребление	Расширение штата, амбициозные проекты	Расширение штата, не ведущее к качественному росту безопасности
Деструктивное	Использование ресурсов для присвоения личных или общественных благ	Использование власти для присвоения личных или общественных благ	Использование насильственного потенциала для присвоения личных или общественных благ

Основным предназначением этих рент стало «умиротворение» республики, что требовало кооптации ряда акторов в правящую коалицию, поэтому использование рент бюрократией было по большей части непродуктивным. Зарождающийся бизнес в условиях нестабильности и близости этнополитических конфликтов не имел стимулов для инвестиций, поэтому использование рент тоже было преимущественно непродуктивным. Финансовый кризис 1998 г. с особенной силой отразился на региональных бюджетах и сделал их еще более зависимыми от дотаций, политически ослабив субъекты, но законсервировав экономическую конъюнктуру.

На втором этапе (2000–2005 гг.) политическая система испытала ряд новых вызовов, обусловленных внешними и внутренними факторами. Проактивная политика правительства и рецентрализация еще больше усилили центр. Политическая динамика в КБР немного отставала от общероссийских процессов – на федеративном уровне силовики вымещали олигархию из ключевых позиций в правящей коалиции, в то время как в республике сохранялся патронажный контроль президента В.М. Кокова над органами внутренних дел [Yemeljanova, 2005]. Тем не менее рецентрализация подорвала автономию социального порядка в Кабардино-Балкарии. Одновременно система испытала эндогенный шок в виде активности религиозных экстремистов, которые вступили в борьбу за контроль над рентой, связанной с неформальной экономической активностью. В сложившейся системе управления не было процедур, которые позволили бы им занять «место за столом» мирным путем. Отставка В.М. Кокова по времени совпала с переходом религиозных групп к насильственной борьбе против государства.

На следующем этапе развития, который характеризовался усилением террористической активности, силовики не могли оставаться младшим партнером в правящей коалиции – их роль в обеспечении безопасности многократно выросла, они были поставлены под прямое руководство полпреда президента РФ в СКФО, а руководящий состав органов правопорядка комплектовался в основном за счет выходцев из других субъектов; по сути, силовики стали основными проводниками линии федеральных элит в регионе. При этом в созыве парламента 2009 г. бюрократию и олигархию представляли по 40 % депутатов¹⁷⁰. Источники ренты претерпели изменение качественных и количественных характеристик –

¹⁷⁰ Список депутатов Парламента Кабардино-Балкарской Республики (IV созыв) по состоянию на 04.07.2014. Архив Парламента КБР.

во-первых, высокие цены на нефть в 2000-е гг. позволили увеличить размер дотаций; во-вторых, за эти годы произошел экономический рост и восстановление после шока 1998 г.; в-третьих, всплески насилия на Северном Кавказе обусловили еще большее увеличение размера дотаций. Объемы бюджетных субвенций на модернизацию экономики и развитие инфраструктуры выросли, одновременно развивался агропромышленный комплекс¹⁷¹. При этом состав правящей коалиции испытывал флуктуации – интересы широкой коалиции элит были заменены более узким непотизмом, а характер рент обусловил окончательное установление клиентелистской зависимости Нальчика от Москвы. Пришедшая к власти республиканская олигархия больше ориентировалась на одобрение со стороны центра, нежели на легитимность в регионе¹⁷². При этом следует отметить, что новое правительство потерпело неудачу в попытках обеспечить политическую стабильность, но достигло определенного уровня инноваций, особенно в сфере АПК. Тем не менее недостаток легитимности среди значительной части элит сопровождался очередным всплеском этнических проблем, продолжающаяся активность террористического подполья представляла особенную угрозу в свете приближающихся Олимпийских игр в Сочи, а протесты 2011–2012 гг. в Москве сместили приоритеты центра – во главе проблемных регионов должны находиться не бизнесмены, но силовики.

После 2013 г., когда республику возглавил выходец из МВД Ю.А. Коков, система взаимоотношений региона с центром претерпела ряд качественных изменений. В условиях секьюритизации политической системы доступ к системе безопасности стал решающим ресурсом для участия в распределении рент. Испытывающие давление со стороны старших партнеров бизнес-элиты стали еще одним ресурсом обеспечения рент. Новый характер использования рент силовиками позволил выстроить более комплексную стратегию действий в отношении вооруженного подполья: она отныне была нацелена в том числе на вытеснение части комбатантов за границу, одновременно предоставляя возможность реинтеграции в нормальную жизнь для желающих¹⁷³. В подобных условиях состав бизнес-элит увеличился за счет предпринимателей из исламской среды, которые прочно закрепились в нескольких рыночных сегментах. По сути, государство разрешило вопросы в сфере безопасности, но потерпело неудачу в попытках использовать бюрократические ренты; в подобных условиях Москва в очередной раз сменила руководство республики, назначив главой чиновника с технократическим бэкграундом К.В. Кокова.

Заключение

Как объяснить причины неудач программ социально-экономического развития в постсоветских обществах? Историко-политический анализ трансформации системы управления Кабардино-Балкарии демонстрирует, что ответ на этот далеко не банальный вопрос лежит в плоскости изучения стимулов элит к использованию привилегий. Политическое устройство КБР не является исключением на фоне других регионов – его характеризуют безусловное доминирование исполнительной власти, ограниченный доступ к ренте, значимая роль патронажных сетей, высокий уровень зависимости от федеральных акторов. При этом государственная власть обладает достаточным потенциалом для решения проблемы насилия, однако этот потенциал используется и для поглощения организаций за пределами государства и подчинения ему всей общественной жизни; государство в данной системе является единственным стабильным институтом. Такой порядок может счи-

¹⁷¹ Глава КБР: уровень дотационности республики снизился до 49 %. РИА-новости [Электронный ресурс] URL: <https://ria.ru/20131004/967743035.html> (дата обращения: 22.05.2023).

¹⁷² Полевой материал автора (записи 2017 г.), Рахаев М., бывший глава администрации Безенги. Интервью в Нальчике 12.09.2017.

¹⁷³ Полевой материал автора, записи 2018 г. Дзасежев Х., председатель Духовного управления мусульман КБР. Интервью в Нальчике.

таться неэффективным для экономической модернизации, однако способен поддерживать устойчивое равновесие в управлении обществом. Внутренний потенциал для институционального обновления ограничен заинтересованностью элит в сохранении своего положения и слабостью гражданского общества.

В такой ситуации неизбежно встает вопрос, во-первых, об аспектах политического реформирования, нацеленного на эффективную реализацию программы социально-экономического развития; во-вторых, об определении политического субъекта, обладающего волей и ресурсами для воплощения в жизнь этой программы. Региональная власть в данном случае не выглядит подходящим кандидатом на роль субъекта, поскольку заинтересована в поддержании описанного выше эквилибриума. Решающую роль в данном контексте имеет фактор влияния федеральной власти на политический процесс в Кабардино-Балкарии. С одной стороны, федеральные акторы располагают властным ресурсом, необходимым для реформирования институциональной структуры регионального социального порядка. С другой стороны, более высокая степень легитимности федеральной власти в глазах населения позволяет мобилизовать гражданскую активность в правовых рамках, что открывает пространство для дальнейшего усложнения структуры организаций и впоследствии – перехода к открытому доступу.

Список литературы

- Апажева Е.Х. 2018. Национальный вопрос и межнациональные отношения на Северном Кавказе 1985–2000 гг. М., БИБЛИО-ГЛОБУС, 200.
- Боров А.Х., Тумов А.А. 2017. Элиты и постсоветская трансформация политических режимов в республиках Северного Кавказа: «случай» Кабардино-Балкарии. Исторический журнал: научные исследования, 4: 40–55.
- Вартумян А.А. 2004. Региональный политический процесс в современной России: динамика, тенденции, особенности. М., 180.
- Гельман В., Рыженков С., Бри М. 2000. Россия регионов: трансформация политических режимов. М.: Издательство «Весь Мир», «Berliner Debatte Wissenschaftsverlag», 376.
- Гельман В.Я. 2006. Возвращение Левиафана? Политика рецентрализации в современной России. Полис, 2: 94–95.
- Гугова М.Х. 2002. Общественно-политические движения Кабардино-Балкарской республики: 2-я половина 80-х – середина 90-х гг. XX в.: дисс. ... канд. ист. наук. Нальчик, 195.
- Капустин Б.Г. 2001. Конец «транзитологии»? (О теоретическом осмыслении первого посткоммунистического десятилетия). Полис, 4: 6–26.
- Литвинова Т.Н. 2011. Политические институты на Северном Кавказе в контексте развития российской государственности. Саарбрюккен: LAP LAMBERT Academic Publishing, 292 с.
- Лукин А.В. 2000. Демократизация или кланизация? (Эволюция взглядов западных исследователей на перемены в России). Полис, 3: 61–79.
- Мельвиль А.Ю. 1998. Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам. Полис, 2: 6–38.
- Растоу Д.А. 1996. Переходы к демократии: попытка динамической модели. Полис, 5: 5–15.
- Росс К. 1999. Федерализм и демократизация в России. Полис, 3: 16–29.
- Современная эволюция политической системы на Северном Кавказе и перспективы модернизационных процессов. М., 2011, 49.
- Солник С. 1995. «Торг» между Москвой и субъектами Федерации о структуре нового Российского государства: 1990–1995. Полис, 6: 95–108.
- Стародубровская И.В., Казенин К.И. 2016. Северный Кавказ и современная модель демократического развития. Экспертный доклад. М., 70.
- Харитоновна О.Г. 1996. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей). Полис, 5: 70–79.
- Baumol W.J. 1990. Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive. Journal of Political Economy, 98 (5), 893–921.

- Golosov G., Konstantinova M. 2016. Gubernatorial Power in Russia. *Problems of Post-Communism*, 63 (4), 241–252.
- Guriev S., Rachinsky A. 2005. The Role of Oligarchs in Russian Capitalism. *Journal of Economic Perspectives*, 19 (1): 131–150.
- Hughes J. 1997. Sub-national Élites and post-communist transformation in Russia: A reply to Kryshtanovskaya & White. *Europe-Asia Studies*, 49 (6): 1017–1036.
- Kahn J. 2000. The Parade of Sovereignties: Establishing the Vocabulary of the New Russian Federalism. *Post-Soviet Affairs*, 16 (1): 58–89.
- Kahn J., Trochev A., Balayan N. 2009. The Unification of Law in the Russian Federation. *Post-Soviet Affairs*, 25 (4): 310–346.
- Kryshtanovskaya O., White S. 2003. Putin's Militocracy. *Post-Soviet Affairs*, 19 (4): 289–306.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. 2009. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. New-York: Cambridge University Press, 308.
- Yemelianova G. 2005. Kinship, ethnicity and religion in post-Communist societies: Russia's autonomous republic of Kabardino-Balkariya. *Ethnicities*, 5 (1): 51–82.

References

- Apazheva E.Kh. 2018. *Nacionalnyj vopros i mezhnacionalnye otnosheniya na Severnom Kavkaze 1985–2000 gg.* [The National Issue and Interethnic Relations in the North Caucasus in 1985–2000]. Moscow: Biblio-Globus, 200.
- Borov A.Kh., Tumov A.A. 2017. Elity i postsovetskaya transformaciya politicheskikh rezhimov v respublikah Severnogo Kavkaza: «sluchaj» Kabardino-Balkarii [Elites and the post-Soviet Transformation of Political Regimes in the North Caucasus: the Case of Kabardino-Balkaria]. *Historical Journal: Academic Research*, 4: 40–55.
- Vartumyan A.A. 2004. *Regionalnyj politicheskij process v sovremennoj Rossii: dinamika, tendencii, osobennosti* [Regional Political Process in Contemporary Russia: Dynamics, Tendencies, Characteristics]. Moscow, 180.
- Gelman V., Ryzhenkov S., Bri M., editors. 2000. *Rossija regionov: transformaciya politicheskikh rezhimov* [Regional Russia: Transformations of Political Regimes]. Moscow: Izdatel'stvo «Ves' Mir», «Berliner Debatte Wissenschaftsverlag», 376.
- Gelman V. 2006. *Vozvrashchenie Levifana? Politika recentralizacii v sovremennoj Rossii* [The Return of Leviathan? Politics of Recentralisation in Contemporary Russia]. *Polis*, 2:90–109 (in Russian).
- Gugova M.Kh. 2002. *Obshhestvenno-politicheskie dvizheniya Kabardino-Balkarskoj respubliki: 2-ja polovina 80-h – seredina 90-h gg. XX v.* [Social and Political Movements of Kabardino-Balkaria: Late 1980s – Mid-1990s.] Diss. ... cand. hist. sciences. Nalchik, 195 p.
- Kapustin B.G. 2001. *Konec «tranzitologii»? (O teoreticheskom osmyslenii pervogo postkommunisticheskogo desyatiletija)* [The End of “Transitology”? (Reflecting on the First post-Communist Decade as Subject of Theoretical Interpretation)]. *Polis*, 4: 6–26 (in Russian).
- Litvinova T.N. 2011. *Politicheskie instituty na Severnom Kavkaze v kontekste razvitija rossijskoj gosudarstvennosti* [Political Institutions in the North Caucasus in the Context of Development of Russian State]. Saarbryukken: LAP LAMBERT Academic Publishing, 292.
- Lukin A.V. 2000. *Demokratizaciya ili klanizaciya? (Evoljuciya vzglyadov zapadnyh issledovatelej na peremeny v Rossii)* [Democratization of Clanization? (Evolution of Western Researchers' Views on the Changes in Russia)]. *Polis*. 3: 61–79.
- Melville A.Yu. 1998. *Opyt teoretiko-metodologicheskogo sinteza strukturnogo i procedurnogo podhoda k demokraticeskim tranzitam* [An Essay of Theoretical and Methodological Synthesis of the Structural and the Procedural Approaches to Democratic Transits]. *Polis*, 2: 6–38.
- Rustow D.A. 1996. *Perekhody k demokratii: popytka dinamicheskoi modeli* [Transitions to Democracy: Attempting a Dynamic Model]. *Polis*, 5: 5–15.
- Ross K. 1999. *Federalizm i demokratizaciya v Rossii* [Federalism and Democratization in Russia]. *Polis*, 3: 16–29.
- Sovremennaja jevoljucija politicheskoi sistemy na Severnom Kavkaze i perspektivy modernizacionnyh processov* [Modern Evolution of Political System in the North Caucasus and Prospects of Modernization]. Moscow, 2011, 49.

- Solnik S. 1995. «Торг» mezhdru Moskvvoj i sub"ektami Federacii o strukture novogo Rossijskogo gosudarstva: 1990–1995 [The "Bargaining" Between Moscow And the Federation Subjects over the Structure of the New Russian State: 1990–1995]. *Polis*, 6: 95–108.
- Starodubrovskaya I.V., Kazenin K.I. 2016. Severnyj Kavkaz i sovremennaja model demokraticeskogo razvitija [The North Caucasus and Contemporary Model of Democratization]. Moscow, 70.
- Kharitonova O.G. 1996. Genezis demokratii (Popytka rekonstrukcii logiki tranzitologicheskikh modelej) [Genesis of Democracy (Logical Reconstruction of Transit Models)]. *Polis*, 5: 70–79.
- Baumol W.J. 1990. Entrepreneurship: Productive, Unproductive, and Destructive. *Journal of Political Economy*, 98 (5): 893–921.
- Goloso G., Konstantinova M. 2016. Gubernatorial Power in Russia. *Problems of Post-Communism*, 63 (4): 241–252.
- Guriev S., Rachinsky A. 2005. The Role of Oligarchs in Russian Capitalism. *Journal of Economic Perspectives*, 19 (1): 131–150.
- Hughes J. 1997. Sub- national Élites and post- communist transformation in Russia: A reply to Kryshchanovskaya & White. *Europe-Asia Studies*, 49 (6): 1017–1036.
- Kahn J. 2000. The Parade of Sovereignities: Establishing the Vocabulary of the New Russian Federalism. *Post-Soviet Affairs*, 16 (1): 58–89.
- Kahn J., Trochev A., Balayan N. 2009. The Unification of Law in the Russian Federation. *Post-Soviet Affairs*, 25 (4): 310–346.
- Kryshchanovskaya O., White S. 2003. Putin's Militocracy. *Post-Soviet Affairs*, 19 (4): 289–306.
- North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. 2009. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. New-York: Cambridge University Press, 308.
- Yemelianova G. 2005. Kinship, ethnicity and religion in post-Communist societies: Russia's autonomous republic of Kabardino-Balkariya. *Ethnicities*, 5 (1): 51–82.

Конфликт интересов: о потенциальном конфликте интересов не сообщалось.

Conflict of interest: no potential conflict of interest related to this article was reported.

Поступила в редакцию: 30.05.2023

Received: 30.05.2023

Поступила после рецензирования: 20.06.2023

Revised: 20.06.2023

Принята к публикации: 20.08.2023

Accepted: 20.08.2023

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Тумов Аскер Асланбекович, кандидат исторических наук, научный сотрудник Кабардино-Балкарского научного центра РАН, г. Нальчик, Россия

Asker A. Tumov, Cand. Sci. (History), Research Fellow, Kabardin-Balkar Research Centre of RAS, Nalchik, Russian Federation

 [ORCID: 0000-0001-8684-8886](https://orcid.org/0000-0001-8684-8886)